
Л. П. ЧЕРНИКОВА

ПОДРАЖАНИЕ ЗАПАДНЫМ КУЛЬТУРАМ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Со времени окончания опиумных войн китайская цивилизация вынуждена была тесно общаться с представителями западной культуры. Это общение приводило как к противоречиям из-за культурных различий, так и к стремлению некоторых китайских граждан перенимать лучшие черты, присущие европейцам: владение иностранными языками, решительность, образованность, технические знания, коммуникабельность, красивая одежда и хорошие манеры, знание основ этикета и широкий кругозор. Вместе с тем некоторые вещи были не совсем «соединимы» и вступали в противоречие с базовыми представлениями китайцев и европейцев о приличиях. Несомненно, что в течение более чем 100 лет взаимодействие китайцев с европейской и русской культурами оказывало взаимобразное воздействие на культуру, и знания друг о друге претерпевали значительную эволюцию. По мнению некоторых историков, характер отношений представителей русской диаспоры с китайцами менялся в соответствии с уровнем официальности контактов.

Ключевые слова: *китайская культура, колониальные войны, взаимодействие культур, европейское влияние, индустриальный империализм, культурная деформация, противоречия в культурно-цивилизационных представлениях обществ, подражание, внедрение элементов западной культуры.*

Взаимодействие культур затрагивает самые разные группы людей – от малочисленных этносов, состоящих из нескольких десятков человек, до миллиардных народов (таких как китайцы). Поэтому при анализе взаимодействия культур выделяют следующие уровни взаимодействия: этнический, национальный и цивилизационный (Ерасов 1998). Г. С. Померанц¹ выделял несколько вариан-

¹ Григорий Соломонович Померанц (1918–2013) – философ, культуролог, писатель, эссеист. Окончил ИФЛИ (1940). В 1949–1953 гг. был осужден на 5 лет лагерей по обвинению в антисоветской деятельности, реабилитирован в 1956 г. Работал в ИНИОН АН СССР. В 1976 г. имя Померанца запретили упоминать в советской прессе. В 1984 г. «предупрежден об ответственности по ст. 190» («*Историческая психология и социология истории* 2/2019 146–172
DOI: 10.30884/ipsi/2019.02.09

тов культурных контактов: европейский², тибетский³, яванский⁴, японский⁵. Конфликты между государствами (нациями) менее фундаментальны, чем между цивилизациями (исторические противоречия, различия в языке, религии, традициях). Однако взаимодействие цивилизаций приводит к значительному росту цивилизационного самосознания, стремлению сохранить собственные ценности, самоидентичность (что, в свою очередь, увеличивает конфликтность в отношениях между ними). С. Хантингтон отмечал, что, казалось бы, многие общечеловеческие понятия свойственны всему миру, но «на глубинном уровне не происходит усвоения чужого из-за ценностных цивилизационных различий. Так, в исламской, конфуцианской, японской, индуистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок. Попытки насильно навязать эти ценности вызывают резкую негативную реакцию и приводят к укреплению ценностей своей культуры» (Взаимодействие... б. г.).

Обращаясь непосредственно к теме исследования, выделим несколько тематических групп – проблем, которые включают: правовые отношения; религиозный вопрос и верования местного населения; градостроительство, капиталы, дороги, связь, коммуникации; распространение информации и просвещение населения (Китай – страна книг); пищевые новшества; бытовые подражания китайцев иностранцам и многое другое. Излагая точку зрения определенной стороны, мы не можем быть уверенными в объективности оценки. Рассмотрение конфликтных или претензионных точек зрения обеих сторон дает более широкий взгляд на проблему контактов.

вета на советскую действительность»). Его книги выходили в Мюнхене, Париже, Нью-Йорке. Некоторые труды: Померанц 1994а; 1994б; 1995.

² Это открытость культур, быстрое усвоение и «переваривание» инокультурных достижений, обогащение собственной цивилизации за счет инноваций.

³ Чаще всего это устойчивый синтез элементов, заимствованных из разных культур, и затем застывание. Такова тибетская культура, возникшая в результате синтеза индийской и китайской культур.

⁴ Это легкое восприятие инокультурных влияний с быстрым замещением прошлого (на Яве исторически сменяли друг друга полинезийская, индийская, китайская, мусульманская и европейская традиции).

⁵ Это переход от культурной замкнутости к открытости, усвоение чужого опыта без отказа от собственных традиций (когда-то японцы усвоили китайский и индийский опыт, а в конце XIX в. началось усвоение опыта Запада).

Правовая сторона (法律问题 *Falü wenti*) взаимоотношений китайцев с иностранцами в XIX и на рубеже XIX–XX вв. очень болезненно воспринималась и до сих пор воспринимается китайской стороной. Это прежде всего заключение неравноправных договоров китайским правительством с западными державами. Провозглашаемая на их территории свобода личности и предпринимательства совсем не распространялась на подвластные или находящиеся в зависимости территории, такие как Китай и Индия. Справедливости ради необходимо признать, что равенство прав и свобод и в самом деле в XIX и на рубеже XIX–XX вв. не могло быть доверено так называемым «диким народам», поскольку существовали огромные различия в практике применения законодательных положений ввиду разного понимания самого понятия личности, гражданства, тем более – свободы личности. Связано это было с историческими условиями существования народов, историей развития государств, практическим опытом взаимоотношений самого восточного государства и его граждан, опытом достаточно репрессивным ввиду необходимости жесткого регулирования правоотношений в многонаселенной феодальной стране.

Поэтому появление в Китае иностранцев с отличным от китайского мировоззрением, иными представлениями о правах и обязанностях, к тому же относящихся к самой стране и его населению с позиции превосходства вооружения и технологического производства, неизбежно приводило к противоречиям и конфликтам (Экстерриториальность 1935).

Однако иностранцы тоже не были «исчадиями ада»: одной из причин навязывания так называемых неравноправных договоров была их безопасность в договорных открытых портах, в нечастых случаях насилия над приезжими и их семьями. Именно с момента поселения иностранцев в китайских портах начинается непосредственное знакомство китайцев с ними, характеризующееся негативным, нейтральным или позитивным эмоциональным восприятием чужаков на своей земле. А с приходом этих чужаков начинается знакомство с новыми заморскими технологиями – постройкой домов, дорог, новыми видами связи, транспортом, одеждой, привычками, кухней и многим другим.

Самыми первыми и быстро перенимавшимися в китайской среде западными причудами в Китае стали скачки, канидромы⁶, спорт

⁶ Канидром (порт. *canidromo*) – специализированный комплекс для проведения собачьих бегов (по аналогии с ипподромом).

и азартные игры. Впоследствии они дополнились кинопоказами, распространением газет и журналов, всеми видами массовых зрелищ и низменными видами бизнеса (наркопритонами, проституцией, запрещенными карточными барами, «черными» абортариями, продажей алкоголя и даже дансинг-барами). Несомненно, это масштабное внедрение в восточную феодальную обитель диктовалось не столько культурно-массовой экспансией чуждой цивилизации, сколько агрессивным шествием мирового капитализма, ищущего новые рынки сбыта и дешевое производство. Но выражалось это именно в восприятии китайским обществом или отдельными его представителями элементов западной культуры и быта. Благодаря нескольким китайским монографиям и диссертации (нас интересует именно китайский взгляд на проблему способов проникновения западного влияния в восточные культуры – контактов и конфликтов) мы можем привести несколько примеров, на которые указывает сама китайская сторона.

Градостроительство (城市规划/ Chengshi guihua). Одна из глав диссертации Вэнь Цунжу названа «Развитие градостроительной структуры Шанхая в полукOLONиальный период» и посвящена проявлениям европейского влияния в градостроительной структуре города. Выгодное географическое положение и возможность вложения капиталов в Китай позволили превратить Шанхай из глухой деревушки в настоящий форпост капитализма в стране. «Колонисты из Великобритании, США и Франции создали в городе Международный сеттльмент и Французскую концессию. Одновременно они строили в городе свои здания, предназначенные для экспортных товаров (порты, склады, банки, здания иностранных фирм, промышленные корпуса) и улучшения жизни колонистов (садовые павильоны, клубы, ипподромы, рестораны) и т. д.» (Вэнь Цунжу 2011). В городе появились объекты инфраструктуры современного развитого капиталистического города: трамваи, водопровод, светильный газ, электроэнергия, телефонная связь, телеграф. «Впервые китайский город *столь активно подражал* европейской практике архитектуры и градостроительства. К началу XX в. Шанхай стал крупнейшим экономическим центром Китая и самым большим городом на Дальнем Востоке» (Вэнь Цунжу 2011). Действительно, если говорить именно об архитектуре важных технологических градообразующих объектов, то схематично процесс можно описать так: три субъекта проживания Шанхая (Международный сеттльмент, Французская концессия и Китайский город) оказались доста-

точно далеко расположенными друг от друга. Для объединения трех этих районов понадобились дороги, транспорт, огороженные и охраняемые объекты проживания (на первых порах) иностранцев и богатых китайцев, которые также предпочитали селиться недалеко от вооруженных казарм иностранцев или от концессий, чтобы в любой момент укрыться при угрозе собственной безопасности. Близость к европейским структурам заставляла китайских управленцев и компрадорскую буржуазию перенимать образ жизни, принимать условия совместного проживания «под крышей» огороженного пространства; да и простые китайцы, видя возможность заработать и укрепить свое благосостояние за счет иноземцев (обслуживание, воспитание и уход за детьми иностранцев), достаточно терпимо относились к привычкам и образу жизни чужаков. Первое-второе поколение «перетерпели» неприязненность по отношению к «красным людям»⁷ (Ху Гэнси 1998), а третье и последующие поколения китайцев воспринимали европейцев просто как «странных» горожан, которые уже давно живут в городе (Ван Чжичэн 1993)⁸.

Европейский опыт организации городского пространства повлиял на градостроительное развитие Шанхая. Прежде всего, в 1843 г. на берегу р. Хуанпу было начато строительство английского сэттльмента площадью около 55 га, с тенденцией увеличения площади (1848 г. – 188 га; 1899 г. – 2230 га под названием Международный сэттльмент; в 1915 г. – 3652,9 га). То же самое происходило с Французской концессией, основанной в 1849 г. (ее первоначальная площадь, составлявшая 65 га, в 1861 г. увеличилась до 74,9 га, в 1899 г. – до 142,3 га; в начале XX в. – до 1010 га). «Общая площадь анклавов постоянно увеличивалась и к концу века превзошла китайскую часть. На территориях концессии и сэттльмента реализовались ортогональная планировка и функциональное зонирование. Шанхай стал первым китайским городом, сменившим вектор своего развития на европейскую архитектурно-градостроительную модель. Приток капитала обусловил оживленное строительство на всей территории города, особенно в районе порта. В анклавах строились здания только европейского типа» (Вэнь Цунжу 2011). Отметим, что вслед за этим стали строиться жилые дома китайских бизнесменов и банкиров, подражающих европей-

⁷ Так китайцы называли рыжих и волосатых англичан.

⁸ Среди многочисленных научных публикаций Ван Чжичэна см.: Ван Чжичэн 1990; 1995; 1999; 2009 и др.

ской архитектуре, отстраивавших особняки и здания небольшой этажности (не более двух-трех этажей) с отдельными комнатами и палисадниками, с элементами китайского дизайна (садики, инби – экран, закрывающий ход злым духам и др.)⁹. Особняки колониального стиля – так стали называться эти дома в обиходе у иностранцев, но это не что иное, как подражание китайцев удобным жилищам чужаков. «Основная черта, которая определяет колониальный стиль, – это смешение культур колонизаторов и местных народов. Именно это смешение придает особый колорит, который оставался актуальным много десятилетий, и даже сейчас приходится по вкусу любителям путешествий и приключений» (Обзор... б. г.). Различают английский, американский, а также испанский и французский колониальные стили. «Стиль был сформирован в результате азиатского влияния. Французская классическая архитектура изначально более светлая и легкая, нежели английская. Благодаря Вьетнаму и Китаю приобрела новую форму крыш, позаимствованную у восточных храмов, которая отлично сочетается с мансардой, которая приобрела особую популярность» (Там же).

«Восточная часть Французской концессии являлась сложным оживленным районом, где работали и жили китайские и иностранные мелкие торговцы. Западная часть ее территории представляла собой тихий и красивый жилой район, состоящий из жилищ аристократии и богатых людей. Роскошные особняки располагались на улицах Фусин, Укан, Хэншань, Юэян, Юйюань и Хунцяо и т. д. Уникальный французский стиль набережной Бунд и улицы Жоффер (ул. Сяфэй) олицетворял расцвет Французской концессии. Иностранные концессии застроили более 300 улиц, постепенно модернизировали дороги, в результате чего потребовался иной современный транспорт. В городе повозок и рикш благодаря Французской концессии и Международному селтльменту в 1908 г. появился трамвай, который быстро стал основным средством городского транспорта. В 1914 и 1924 гг. Международным селтльментом были пущены также троллейбус и автобус». В конце 1920-х гг. в городе

⁹ За воротами обычно находится экран 影壁 – инби (дословно – стена отражений, или стена теней), который защищает жилище от посторонних взглядов и злых духов. Почти все ворота и проходы устроены таким образом, что человек практически никогда не видит анфиладу помещений, взгляд постоянно упирается в стену или экран, все время нужно поворачивать. Благодаря этому даже на очень небольшой территории создается иллюзия большого наполненного пространства (Традиционный... б. г.).

стали ходить двухэтажные автобусы. «Кроме того, все более популярным становился велосипед в качестве нового транспортного средства» (Вэнь Цунжу 2011).

В Китае появляется *архитектура торговых и представительских зданий*. «Концентрация банков и офисных зданий иностранных фирм привела к формированию “финансовых районов”. На прилегающих к набережной улицах (Нанкинской, Хуайхай, Фучжоуской, Цзиньлин и Тибетской) возникли крупные торговые центры. Центральная зона на пересечении улиц Нанкинской, Фучжоуской и Тибетской, окруженная большим количеством универмагов, роскошных отелей, ресторанов и различных развлекательных заведений, стала самой оживленной частью Шанхая. Соседние небогатые жилые кварталы постепенно вытеснялись к западу: чем западнее, тем лучше была экология и качество зданий. Одновременно на западном берегу Хуанпу, к западу от рек Сучжоу и Яншупу, сформировался основной промышленный район. Там появились широкие дороги и множество промышленных зданий западного образца. Зона трущоб переместилась за эти районы и на периферийные территории концессий» (Там же).

Однако китайская часть города разительно контрастировала с европейскими районами. Она, сохранившая свои (средневековые) стены, оказалась окруженной совсем новыми (западными) районами. За пределами юго-восточной части города китайскими оставались только гавани. В старом городе увеличивалась численность населения, что обуславливало перенаселенность жилищ. Районы с узкими улицами и тесно расположенными домами оставались неблагоустроенными и стихийно-бессистемными. И все же китайцы были вынуждены подражать иностранцам в городском строительстве и системе управления своей территорией. В начале XX в. они засыпали несколько каналов и на их месте проложили улицы. В 1912 г. на месте канала Фанпан проложили улицу Фанпан (так называемая «шанхайская Неглинная»), которая стала центральной и самой крупной улицей в «китайском» Шанхае. В том же 1912 г. разрушили крепостные стены, на их месте построили кольцевую дорогу (ныне улица Народная). Это устранило барьеры между старым городом и прилегающими районами.

Кроме того, к северу от Китайского города вблизи Международного сэттльмента появился новый район – Чжабэй, где городские и промышленные районы довольно тесно и стремительно развивались. Но этот район не мог соединиться со старым городом.

За 70 лет территория Шанхая увеличилась более чем в 10 раз. При этом китайские кварталы Нанши и Чжабэй активно участвовали в формировании городской структуры. Здесь архитектура города в значительной степени формировалась спонтанно, без планирования.

Город в основном развивался усилиями концессий, проводивших строительство дорог, хотя надо признать, что и иностранные концессии также развивались неравномерно. Поэтому китайским правительством в 1929 г. был разработан Шанхайский региональный план, который устанавливал «специальные административные районы» на иностранных сэттльментах (после чего площадь города вновь увеличилась). По этому же плану были дополнительно созданы районы на севере страны, образующие новый городской центр, альтернативный сэттльментам. Это было первое в истории Шанхая крупномасштабное, комплексное и всестороннее планирование, охватывавшее весь город, без сэттльментов. Его структура разрабатывалась именно как международный, а не региональный город, что оказало огромное влияние на его будущее градостроительное развитие. Эта работа продолжалась вплоть до вторжения японских войск в Шанхай в 1940 г. (Вэнь Цунжу 2011).

Даже с началом японо-китайской войны (1937–1945), при затухании строительства, «европейско-американское влияние на городское планирование и идеи архитектурного дизайна в Шанхае продолжали сохраняться», поскольку «сэттльменты, окруженные японскими войсками, стали “уединенными островами”». Большое число гражданских беженцев постепенно увеличивало численность населения и приток свободного капитала на сэттльментах, что обеспечило там повышение уровня жизни и породило некоторый строительный бум» (Там же).

С появлением иностранного присутствия в Китае в крупных портовых городах стали прокладываться тоннели, виадуки, мосты, которые соединяли разные городские районы, утопающие в зловонных болотах и страдающие неразвитой инфраструктурой. Так, в 1865 г. в Шанхае был введен в эксплуатацию первый в стране газовый завод (Шанхайская газолиновая компания под английским управлением). Постепенно завод расширился, а владельцами стали богатые китайские хозяева-бизнесмены. На торговой улице Нанкинской появилось газовое освещение. Шанхай вообще стал «опытной площадкой», достижения которой затем тиражировались по крупным китайским городам, при этом основными «двигателями» технологий чаще всего выступали смешанные (иностранцев и китай-

цев) или чисто китайские капиталы. В 1881 г. была открыта шанхайская водопроводная компания, а на следующий год – электрическая компания; так что Шанхайский селтльмент уже в начале 1880-х гг. вступил в век современной материальной индустриальной цивилизации, и этому явлению в немалой степени способствовали развивающиеся капиталы молодого китайского капитализма (Ху Гэнси 1998).

«Прогрессировавший рост населения города стал стимулирующим фактором для развития строительства, – пишет Вэнь Цунжу. – Открытие большого количества заводов и банков позволили быстро вырасти промышленности, коммерции и укрепить финансовое состояние города, и в 1930-е гг. Шанхай превратился в коммерческий и финансовый центр Дальнего Востока» (Вэнь Цунжу 2011). Отметим попутно: рост населения влиял на все без исключения слои населения, и самым важным для дальнейшего развития страны стало то, что китайские имущие классы жадно потянулись к новым знаниям. В Шанхае иностранцы быстро создали различные школы, колледжи, университеты. Сначала это были учебные заведения для детей иностранных резидентов в Китае; в эти школы выписывали учителей из Европы. Позже выяснилось, что в таких школах с большим воодушевлением хотят учиться дети богатых и влиятельных китайцев; через короткое время оказалось, что средства на иностранные школы собирались не с европейцев, а главным образом с китайских родителей, снабжавших и финансировавших все нужды школьного образования в крупных городах Китая (Ху Гэнси 1998).

Тяга к новым знаниям и обучение в иностранных учебных заведениях (渴望知识 Kewang zhishi. 外国教育机构 Waigou jiaoyu jigou). Китайские новые интеллектуалы (新知识分子 Xin zhishi fenzi). Сначала китайские чиновники и компрадорская буржуазия если не сами, то своих детей старались послать на учебу за границу или обучать заморским наукам в пределах страны, но в иностранных школах и колледжах, довольно интенсивно открывавшихся в Китае в первой половине XX в. Интересна биография Ван Тижаня, профессора западной литературы Шанхайского университета (он свободно владел английским языком, учился в Великобритании). В конце 1920-х гг. он стал редактором одного шанхайского издательства, в середине 1930-х гг. работал в редакции китайской вечерней газеты «Да Ваньбао» (*China Evening News*), а позднее – вплоть

до 1949 г. – главным редактором этой самой крупной вечерней газеты в Китае. Семья из-за общественного положения Ван Тижаня вела светскую жизнь, часто встречалась с видными представителями иностранных колоний Шанхая, иностранцы посещали известный дом профессора. Он был первым китайским переводчиком, который перевел собрание сочинений английского писателя Джона Голсуорси¹⁰ на родной язык. Сын Ван Тижаня окончил сначала частную американскую школу (Former “Grace” School) во Французской концессии, которая в 1949 г. стала обычной муниципальной школой, затем – Шанхайский институт иностранных языков (он владеет тремя языками – английским, французским, русским, а для написания научной книги о португальской колонии в Макао выучил еще и португальский). Сын стал также известным китайским интеллектуалом, русистом, написал знаменитую книгу «История российской эмиграции в Шанхае» (Ван Чжичэн 1993), поскольку еще ребенком заинтересовался вопросом, что делают в китайском городе большое количество европейцев¹¹.

Еще один пример такого же рода иностранного образования и воспитания касается известного китайского военного по фамилии Чи (Chi). Это был будущий высокопоставленный военный, получивший образование в Японии и Англии в начале XX в. В Королевском морском корпусе в Дартмуте (Britannia Royal Naval College) он учился вместе с будущим королем Великобритании Эдуардом VIII, который ради морганатического брака отрекся от короны. Китайский морской офицер свободно владел английским и французским, вернулся на родину и был участником Синьхайской революции, свергнувшей феодальную династию Цин. Получив высокий пост в вооруженных силах постсиньхайского Китая, господин Чи дал блестящее образование сыну, упустив из виду его мировоззрение. Может быть, передались революционные гены: «...несмотря на принадлежность к знатной семье, европейские манеры и ин-

¹⁰ Джон Голсуорси – английский прозаик и драматург, автор знаменитого цикла «Сага о Форсайтах», лауреат Нобелевской премии по литературе (1932).

¹¹ «После освобождения Китая в 1949 г. газету отца закрыли как “ненародную”, “гоминьдановскую”. Незадолго до этих событий отец продал большой дом, и семья переехала в более скромную квартиру. Ему предложили место в отделе по вопросам культуры при Муниципальном бюро. В годы культурной революции отец был репрессирован, подвергся унижительным процедурам. Больше к интеллектуальной деятельности уже никогда не возвращался» (Черникова, Бэй Вэнь Ли 2001: 134).

теллигентный вид, сын стал убежденным китайским революционером» (Данилевич 2017)¹². В этой истории интересен еще и такой аспект: получая иностранное, более прогрессивное образование и воспитание, часть китайской интеллигенции научалась также свободным взглядам и остро чувствовала несправедливость социального устройства в стране.

Социальные и познавательные сдвиги в китайском обществе (社会转变 Shehui zhuanbian). Если же обратиться к вопросу о социальных и познавательных сдвигах в китайском обществе в связи с масштабной модернизацией в стране, то они были запущены сверху указами еще цинского правительства, которые были подхвачены большим числом знающих иностранные языки китайцев (компрадорами, чиновниками, учителями, моряками, таможенниками и низшим классом буржуазии, видящей для себя шанс на обогащение, и т. д.). В конце XIX – начале XX в. был придан новый импульс развитию художественного перевода иностранной литературы в Китае. Влияние иностранных знаний посредством литературы остро ощущали реформаторы общественных процессов, которые проводили политику «новые знания необходимы для пробуждения народа»... Один из деятелей реформационной эпохи Лян Ци-чао писал: «...если страна хочет стать сильной, надо больше переводить западных книг» (Художественный...), отмечая важность переводов политической литературы, которая, по его мнению, способствует пробуждению людей. В китайских газетах и журналах начинает появляться новая рубрика – «Переводы из иностранных газет», с публикациями произведений западной и японской публицистики, художественной литературы. Можно сказать, что на рубеже веков и в первые десятилетия XX в. происходит расцвет переводческой деятельности в Китае. Так, Янь Фу (1853–1921) приобрел известность как переводчик научной литературы и создатель теории перевода, используя постулаты высокой прозы. Однако в дальнейшем выдвигаются переводчики и писатели, которые видят в западной литературе шанс для модернизации общественных настроений. Так, в 1909 г. происходит публикация лингвистического труда

¹² Еще в школе, а затем уже студентом Института железнодорожного транспорта Чи Кан (赤坎 Chì Kǎn) организовал демонстрации против режима, участвовал в социалистической революции. За протесты против власти смельчаку грозил расстрел, и ему посоветовали сменить имя. Так появился Го Нин, что в переводе значит «мирное копье». Впоследствии этот псевдоним закрепился за ним навсегда (Данилевич 2017).

о новых и главных течениях в западной литературе в авторстве переводчиков Лу Синя¹³ и его брата Чжоу Цзожэня. В 1910-е гг. для китайской читательской аудитории переводятся романтические и реалистические произведения зарубежных авторов из Англии, России, Финляндии, Польши, Балканских стран и др. (Художественный... б. г.).

Издательства (出版社 Chuban she). В 1843 г. в Шанхае английские священники создали издательство *Mo Hai*, которое в основном занималось переводами священных книг на китайский язык. В Шанхае также открылось издательство, специализировавшееся на переводах, под управлением некоего господина Цзян Ана (Jiang An), которое носило название «Южная Янцзы». В это издательство поверило китайское цинское правительство, поддержало его, и оно стало самым большим и влиятельным органом по переводам в позднюю эпоху династии Цин. Отметим, что английское и цинское издательства делали собственные переводы. Обозначившаяся проблема обнаружилась в том, что в китайском языке не существовало большого числа терминологических устоявшихся в европейских языках слов (например, в таблице химических элементов, что было важно при производстве металлов, пищевой промышленности, кинематографе, фотоделе и других отраслях, где были необходимы знания терминов и элементов). Поэтому совместными усилиями европейских и китайских переводчиков пришлось создать значительный слой, новую часть «искусственных» китайских иероглифов, опираясь на который, можно было уже более-менее адекватно переводить иностранную техническую и художественную литературу, а главное – словари и энциклопедии. И за первую половину XX в. в Китае было переведено более 556 европейских книг, из них в Шанхае – 434 книги (то есть 77,4 %) (Ху Гэнси 1998).

О приобретении китайцами необходимых знаний об иностранцах, их стране, о практикуемых ими методах в области торгово-промышленных отношений и т. д. писали наблюдательные иностранные репортеры, отмечающие некоторые особенности китайского восприятия всего нового. «Желание близкого ознакомления с нашими соседями присуще нам в такой же мере, как японцам или китайцам. Но пути, по которым мы подходим друг к другу, несколько иные. Первые сведения о чужеземных странах китаец

¹³ Лу Синь был переводчиком, исследователем русской литературы и первым ее распространителем в Китае. Перевел произведения Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. Горького и других русских писателей.

и японец черпает из книг, из иностранных колледжей и различного ранга школ, из общения с теми иностранцами, которые проживают на их территории, из наблюдений над жизнью этих иностранцев.

Но познания, полученные только указанными способами, далеко не совершенны; они не могут быть законченными и отвечать реальным нуждам в той или иной отрасли дела. Чтобы заполнить пробел, были созданы комиссии, посылаемые в иностранные государства с целью тщательного изучения той или другой отрасли дела. Возвращаясь из командировки, комиссары представляют в распоряжение правительства кучу материалов и советов, базируемых не на гадательных выводах, а на фактических данных. Уже одна необходимость надлежащего изучения рынка должна бы достаточно говорить за желательность указанных специальных экспедиций.

Когда японцам понадобилось ознакомиться с русскими рынками для сбыта своих товаров, они прислали к нам своих разведчиков. Когда китайцам понадобилось воочию увидеть, во что выливаются на практике различные формы правления в западных государствах – они поступили так же, как японцы. Для изучения постановки школьного преподавания в иностранных государствах, китайское правительство посылало своих нарочных, которые, недавно возвратившись в Пекин, представили трону свой отчет, состоящий из 49 томов, и т. д. и т. п.» (Пути... 1907: 1).

«Летаргия, – писал русский репортер, – в которую погрузился Китай уже несколько веков под влиянием внешних причин, начинает постепенно проходить. Китай реформируется, и притом довольно быстро. Достаточно взглянуть на Пекин, например, лет десять тому назад и сейчас [1906 г.], чтобы понять, какая огромная разница произошла за столь краткое время.

В доброе старое время Пекин представлял собою обыкновенный большой чисто китайский город, как мелкие провинциальные города Маньчжурии: ни телефона, ни железных дорог, ничего европейского вы не могли встретить; теперь же замечается чуть ли не обратное: столица во многих местах покрыта телефонной сетью; всюду снуют рикши, экипажи, масса китайской молодежи катается на велосипедах, не редкость встретить китайцев с фотографическими аппаратами – кодаками, занимающихся снимками окрестностей города или бытовыми картинками; в особенности характерными являются школьники чуть ли не всех возрастов, которые одеваются совершенно по-европейски: костюм хаки¹⁴, соломенная

¹⁴ Костюм-тройка. В составе пиджачного костюма жилет был из той же ткани, что и пиджак, а с сюртуками и визитками носили жилеты, изготовленные из дру-

шляпа и ботинки; только по косе, которую тщательно прячут под шляпу, и можно узнать, что это китаец.

К Пекину ведут сейчас три железнодорожных линии из Тяньцзиня, Ханькоу и Калгана, причем линия Пекин – Ханькоу настолько хорошо поставлена, что не уступает европейским. Ежедневно прибывает в Пекин по несколько поездов, привозят много европейцев-туристов, гонконгских коммерсантов; все это, несомненно, способствует прогрессу, производит обмен мыслей и знакомит китайцев с новыми людьми.

А посмотрите всевозможные школы, которые содержатся европейскими миссионерами; они буквально переполнены китайской учащейся молодежью и служат лучшим показателем, насколько китайцы отрешились от своих старых взглядов, как сильно набросились на все европейское и как они нуждаются в европейской помощи.

Если прибавим ко всему чисто китайские фабрично-заводские предприятия, такие как: хлопчатобумажные фабрики, паровые мельницы, железоделательные заводы, оборудованные лучшими европейскими машинами и управляемые во всех своих деталях чуть ли не исключительно китайцами, получается вполне ясное, определенное представление, насколько Китай отрешился от своей рутины и двинулся по пути всеобщего прогресса. Можно только от души пожелать успеха нашим добрым соседям в их благородных начинаниях» (А-с 1907)¹⁵.

Действительно, в тех быстро развивающихся районах, где жизнь забурлила под энергичным надзором иностранного влияния, уровень населения постепенно рос, срочно требовалась рабочая сила, и постепенно происходил приток населения из сельских районов. В стремительно развивающемся Шанхае численность населения неизменно возрастала, в определенной степени – за счет изменения облика и быта шанхайцев, что было достаточно привлекательно для остальной части китайских граждан. «Сведения о китайском населении, – писал репортер, – весьма противоречивы. Путнам Уил¹⁶

гого материала. Войны начала века внесли в мужскую моду заметные перемены. Появились новые «военнозирванные» элементы гражданского костюма (френч, тужурка) из ткани цвета хаки, различных оттенков серого и коричневого (Блейз 2001).

¹⁵ А-с – возможно, Э. Э. Анерт, член Общества по изучению Маньчжурского края.

¹⁶ Путнам Уил (Putnam Weale) – псевдоним Бертрама Ленокса Симпсона (1877–1930), британского репортера и романиста первой трети XX в., автора книг

утверждает, что с пригородами, вплотную подошедшими к Шанхаю, здесь около 10.000.000 жителей. Но по статистическим данным последнего, за февраль, отчета Бюро Общественной Безопасности в Шанхае, “всего” 2.831.117 человек жителей» (Немного... 1930). Приток такого числа новоселов требовал новой инфраструктуры и развлечений.

Индустрия развлечений (娱乐业 Yule ye). С приездом иностранного населения в Китай, весьма немногочисленного по сравнению с подавляющим большинством местного аборигенного населения (несколько тысяч иностранцев с семьями против 400–450 млн китайцев), встал вопрос, который обычно в метрополии мало кого волновал: чем европейцу заняться на досуге? Иностранцы, главным образом англичане и французы, томились от размеренного и неспешного китайского течения времени, восточных неторопливых манер и образа жизни. Энергетика рубежа веков, с бурным развитием капитализма и империалистической конкуренции, не оставляла Поднебесной шансов на продолжение прежнего образа жизни. Иностранцы привезли с собой увлеченность спортом, а также его новые для Востока виды; разнообразные развлечения и игровой бизнес. Среди развлечений, которые магнетизировали наивных китайцев, притягательными стали кинематограф, постановка спектаклей (театр), развлекательные парки отдыха, игры в гольф, «я-алай» (игра с мячом в перчатке), скачки – лошадиные и собачьи бега, разнообразные карточные игры, королем которых стал покер, футбол, баскетбол и др. Мы перечислили здесь только разрешенные виды развлечений, а неразрешенные шли вслед за появлявшимися большими средствами, привлекавшими большое число мошенников, криминал, преступное сообщество (игорный бизнес, проституция, опиекурильни и закрытые казино) (Ху Гэнси 1998).

После Шанхая вторым по рейтингу развлечений был Харбин (численность населения иностранцев имела значение). «До сих пор непревзойденным “рекордсменом” по части кабарэ и ночных кафе считался Харбин, – писала «Вечерняя Заря». – Однако теперь он должен будет уступить свою славу Синьцзину (Чаньчуню). В сравнении с прошлым годом, число европейского типа ресторанов с 38 возросло до 143 (в большинстве своем через небольшой промежу-

«Борьба за республику в Китае», «Девятый Ван: история одного китайского мальчика», «Человеческая паутина», «Китайское чиновничество и русское вмешательство» и др.

ток времени владельцами этих ресторанов становились китайцы. – Л. Ч.). Вместо скромных девяти кабарэ сейчас в Синьцзине имеется... 36 ночных ресторанов с артистическими выступлениями. Певец, по приблизительным подсчетам, там имеется не меньше 920 чел. В это число входят также различные балетные артисты. В городе имеется 36 отелей и 26 гостиниц вместо бывших восьми...» (Развеселый... 1933).

Азартные игры. Канидромы (坎德 Kan de). «Увлечение собачьими скачками, – писал репортер “Рубежа” Макс Шмидт, – прокатилось за последние годы по всем центрам Европы и Америки. У нас в Дальневосточном Вавилоне [Шанхае] оно поглотило огромные десятки миллионов долларов на оборудование грандиозных мест состязаний на азартную игру в тотализаторах. Шанхай имеет Канидром, где по вечерам происходят собачьи гонки. Крупнейшим местом считается также “Луна-парк”. Десятки тысяч зрителей, трибуна, чтобы полюбоваться действительно умопомрачительной резвостью своих четвероногих любимцев, а заодно и тем, чтобы попытать свое счастье у колеса фортуны. Крупнейшие иностранные газеты Желтого Вавилона не считают для себя предосудительным давать в виде особых приложений программы и описание собачьих состязаний с подробным разбором качеств и шансов каждого претендента... Каждый заезд приносит владельцам собак-победительниц крупные призы, а удачливым игрокам-тотошникам¹⁷ – десятикратные выигрыши. Собачьи скачки в Шанхае выросли в огромный “бизнес”. Достаточно сказать, что Шанхай располагает теперь многими сотнями собак, оцениваемых в очень высокие суммы за их скаковые качества. Четвероногих “резвачей” везут из отдаленнейших уголков мира – из Австралии, Канады, из Англии... Сооруженные гиганты – канидромы стоили колоссальных денежных затрат. Но и эксплуатация их дает ежедневно десятки тысяч долларов... Тотализатор делает во дни состязаний грандиозные обороты. Около собак “кормится”, наконец, целая армия тренеров и людей, просто представленных к “скакунам” для внимательного ухода. Существовало издавна насмешливое выражение: собак гонять. Под этим подразумевался предел безделья и никчемности человека. Теперь выражение “собак гонять” имеет весьма и весьма приятный смысл для заинтересованного лица. Труд тренеров собак ценится в Шанхае чрезвычайно высоко!» (Шмидт 1926: 10–11).

¹⁷ Тотошник – участник розыгрыша приза в тотализатор.

Ломбарды (當舖 *Dang pu*). Однако роскошь и богатство тесно сосуществуют с бедностью и нищетой. Если где-то прибывало, то повсюду и убывало понемногу. Так в Китае появились ломбарды. В тех местах, где расположились ломбарды, обычно при входе стояла деревянная ширма – экран, на котором большим иероглифом было написано *Dang* (當). Экран закрывал посетителя от прохожих, чтобы не было видно, кто пришел, что принес. Обычно посетители приносили свои вещи, а служащие ломбарда принимали их по весу, количеству, оценивали стоимость и объявляли ее хозяину. После согласия посетителя ему выдавали квитанцию, на которой были написаны наименование вещи, количество, сумма залога, процент кредита, срок возврата. В самом начале все устанавливаемые ломбардами сроки были равны 18 месяцам, а в конце 1930-х гг. они уменьшились до года и полугода, в маленьких же ломбардах срок составлял от одного до трех месяцев. Если кто-то из посетителей имел возможность выкупить собственную вещь, надо было вернуть ломбарду капитал с процентами. Если же кто-то был не в состоянии оплатить возврат, его вещи навсегда оставались в собственности ломбарда. На сеетльменте находилось более ста больших ломбардов, а маленьких было более трехсот. После освобождения Китая (1949 г.) все они были постепенно закрыты. Уже в период реформ и открытости, в 1988 г., в Шанхае вновь появился ломбард под названием «Хэн Юань» (*Heng Yuan*) (Ху Гэнси 1998).

Сберегательные ассоциации (儲蓄協會 *Chuxi xiehui*). На рубеже XIX–XX вв. в Шанхае появился сберегательный китайский бизнес, составленный из четырех крупнейших частных банков: «Ян Е» (*Yan Ye*, «Солепромышленность»), «Гинь Чэн» (*Jin Cheng*, «Золотой город»), «Чжон Нань» (*Zhong Nan*, «Центр – Юг»), «Далу» (*Da Lu*, «Континент»). Это объединение кратко называли «Сихань» (*Si Han*, «Четыре банка»). Данный банковско-сберегательный союз работал по следующему принципу: открывавший счет в этой корпорации клиент автоматически становился членом объединения. Счет делился на доли по 50 юаней на срок до двух лет. Если клиент забирал деньги до срока, ему возвращали капитал, проценты по вкладу, часть прибыли. Таким образом, корпорация быстро привлекла клиентов на выгодных условиях. В 1931 г. вклады в корпорацию увеличились на 40 млн юаней и ежедневно повышались на 20 тыс. юаней. Корпорация заняла престижное место в этой отрасли, упрочила свою репутацию. Когда в Китае стали откры-

ваться зарубежные банки, иностранцы и китайцы вкладывали туда свои средства, но как только китайская корпорация «Сихань» стала успешной и ее клиенты стали наконец получать прибыль, китайские бизнесмены и банкиры предпочитали вкладывать деньги именно в нее. Более того, в дальнейшем многие богатые иностранцы вкладывали средства в эту китайскую банковскую корпорацию.

В дальнейшем в Китае начали проводить биржевые операции, появились ювелирный бизнес, инвестиционные управления, строились шанхайские морские и речные пристани (как объекты бизнес-инфраструктуры), стартовал еврейский бизнес Сассунов и Хардунов (которые предпочитали родниться с богатыми китайцами) – как полукитайский, полуюеврейский бизнес-проект, появились иностранные рестораны и китайский общепит, который стал тяготеть к различного рода пищевым заимствованиям. В меню богатых и известных китайцев появились кофе, европейские сладости, конфеты (Ху Гэнси 1998).

Пищевые заимствования (食物变化 Shiwu bianhua) были очень скромными, поскольку китайский рацион был весьма специфичен.

В Китае все от мала до велика знают русский суп *Song tang* – буквально «русский суп», наш борщ. Конечно, с годами вкус его сильно изменился и отличается от настоящего русского или украинского борща. В рецепте этого блюда есть капуста, картофель, мясо, лук, морковь и главный ингредиент – свекла. Именно этот суп называется «русским»; едят его без сметаны, так как подкислить продукт – значит испортить его.

За время иностранного господства китайцы научились готовить бисквиты, чаще всего подавая их без крема и сиропа, просто нарежая кусками к чаю. Эти бисквиты чаще всего несладкие. Китайская гастрономия менее всего терпит переслащенные или же слишком жирные блюда, чем славятся торты и пирожные европейцев. В западных десертах, на вкус китайца, всего «чересчур»: слишком много жира, орехов, сиропа, крема, пудры и т. д. Тем не менее сегодня в связи с внедрением современных западных технологий и включением в китайский рацион молочных, мучных, сладких продуктов некоторые предприимчивые китайцы невероятно обогатились, воспроизводя кулинарные шедевры бывших иностранных кондитеров в Китае (слойка «Португеза», или буше)¹⁸.

¹⁸ Сегодня по всему Китаю и Юго-Восточной Азии известна китайская семья, открывшая повсюду сеть пекарен со слойкой «Португеза». Слойку прочно связы-

Научились китайцы готовить и хлеб. Сначала в магазинах появились некие эрзац-продукты, выдаваемые китайцами за хлеб. Чаще всего этот продукт готовится на бездрожжевом тесте, которое китайцы красят в разные цвета. Хлеб стал черным, желтым и белым, на вкус он похож на рисовую бумагу и не имеет запаха. В крупных городах также выпекаются круассаны (*croissants*).

Женское движение и эмансипация (女性解放 Nuxing jiefang). В китайской среде начали курить, причем не только мужчины, но и женщины, поскольку в начале – первой половине XX в. это стало модно и даже престижно. Более того, в Шанхае (а вслед за ним и во всем Китае) появились женские ванны и бани (Ху Гэнси 1998). В иностранной прессе первой половины XX в. много писали о модернизации нравов, особенно заметно это было на примере китайских женщин.

«...В Китае женщина, – писал репортер “Рубежа”, – в течение тысячелетий была абсолютно бесправной. Только служить своему мужу и его родителям... Больше ничего! Даже женские роли в старинном китайском театре до недавнего времени славилась мужчинами. ...Революция 1911 года потрянула тысячелетний устоявшийся быт Китая, многое изменила в норме, многому дала толчок к дальнейшему развитию. Европа стала образцом для молодого Китая, и он быстро пошел по новому пути, перенимая у нее все годное для себя. Особенно ярко влияние Европы проявилось в эмансипа-

вают с влиянием Французской концессии в Шанхае. Рассказывают, что в детстве глава семьи девочкой помогала на кухне своей матери, которая служила во французской кондитерской. Там выпекали слоенки «Португеза», по-другому – буше. Прошли годы, уехали иностранцы, отгремела китайская культурная революция, в жизни китайцев начались перемены. В середине 1990-х гг. сначала в Шанхае, затем в Пекине, Тяньцзине, Циндао и других городах Китая открылись и стали невероятно популярными маленькие слоеные корзиночки с кремовой начинкой из яичного суфле.

ции китайской женщины. Недавняя бессловесная раба своего мужа и господина, не только необразованная, но часто и просто неграмотная, теперь она получает широкое образование, посещает высшую школу, уезжает за знаниями за границу, наполняет университеты Америки и Европы, допускается у себя на родине или службе повсюду, и даже – к занятию административных постов.

Всего 2–3 десятилетия назад женщины Китая были едва ли не самыми отсталыми в правовом отношении по сравнению с женщинами других стран. Если сравнить китайскую женщину тех времен с современной китаянкой, кажется, что дочери Китая идут по пути эмансипации быстрее своих европейских сестер. Многие женщины молодого Китая, получив образование за границей, играют теперь солидную роль в общественной и политической жизни страны. Таковы жены Сунь Ятсена, Веллингтона Ку. Такова мадемуазель Сун Мэйлин, закончившая высшее образование в Париже, такова полковник Надежда Чжан... Это не оговорка. В армии молодого Китая есть немало женщин офицеров.

Правда, в глухих углах Китая, куда пасть что-либо из достижений современного человечества, жизнь течет так, как текла тысячелетия. Но в крупных центрах, в больших портовых городах эмансипация женщин заметна всякому. В домах китайцев имеется электричество, телефоны, радиоприемники, музыкальные инструменты, виетрола (victrola), в гаражах – автомобили...

Современная китаянка живет такой же открытой общественной жизнью, как и европейка: она гуляет по городу одна, посещает дансинги и театры, увлекается кино и с увлечением танцует.

Китайская женщина завоевала себе достойное положение. Теперь уже не только много женщин-артисток, из которых наиболее популярны киноактриса Ян Мэй-Мэй и артистка Су Ен-

Современная китайская девушка в рупор объявляет на стадионе о результатах спортивных состязаний. 1930-е гг.

шин, – но и женщин всех других мужских профессий, вплоть до... женщины-летчика. Конечно, старикам не нравится исчезновение старого, тысячелетиями освещаемого быта и традиций, но молодежь Китая – целиком на стороне нового уклада жизни, и нетрудно предсказать, на чьей стороне окажется победа» (Диомидов 1930: 3).

Два костюма современной китаянки, в которых чисто китайский стиль согласован с требованиями европейской моды

которых ходили старики и дети. «Ассоциация китайских родителей и учащихся, – писала газета “Слово”, – намерена начать энергичную кампанию против длиннополых халатов (长浴袍 *Chang yu pao*) для учащихся средних и низших школ. Как родители, так и педагоги одинаково настаивают на том, чтобы отменить устарелый национальный костюм для школьников и заменить его европейской удобной школьной формой, которая хороша для спорта и прочих занятий. Хотя часть уже более модернизированных китайских родителей сами одевают своих детей в европейские костюмы, еще много школьников ходят в халатах. Ассоциация обратилась с петицией к Министерству народного Просвещения, рекомендуя уста-

Реформы в области внешнего вида (外表改造 *Waiguan gai-zao*). После революции 1925–1927 гг. и захвата власти Чан Кайши новому правительству приходилось заниматься огромным количеством проблем в стране, раздираемой противоречиями и политическими амбициями китайских милитаристов. Одновременно проводились большие экономические и политические реформы. И одним из новшеств стали вопросы внешнего вида китайцев.

С таким вопросом в свое время столкнулось правительство Ататюрка (которое «ополчилось» на средневековую феску как атрибут внешнего вида турка). Китайское правительство выбрало объектом критики мужские длинные халаты, в ко-

новление обязательной европейской формы для учащихся: короткие брюки и рубашка, и светр, – для мальчиков, и для девочек – короткая юбка, блуза и светр. Компания принимает широкое распространение и, видимо, скоро примет реальные формы» (Против... 1937: 5).

Конечно, наиболее наглядно изменения в повседневной жизни сказывались на женщинах. «В отношении мод китайка не отстает от женщин Европы и Америки, – писал журналист “Рубежа”. – Правда, в отношении декольте и оголенных рук китайки пока еще держатся недоверчиво, но все же и теперь уже можно наблюдать китайнок, рукава платьев которых – одна видимость ткани» (Диомидов 1930: 3).

В начале 1940-х гг. в Пекинском национальном женском колледже был опубликован «ряд правил, которые должны были быть направлены к улучшению поведения и занятий со стороны учениц. Среди этих правил указывается необходимость скромности в одежде. Кроме того, под новые запреты подпали и электрические завивки, укладка волос и т. п. Все ученицы, которые уже сделали эти завивки, должны немедленно сообщить об этом школьным властям. Будет опубликована специальная дата, когда все, кто имеет искусственные завивки, будут вынуждены “выпрямить” свои волосы» (Ученицы... 1941: 3).

Коллективные свадьбы (集体婚礼 Jiti hunli). Начиная с 1933 г. в крупных городах Китая стали практиковаться массовые свадьбы, которые стали необходимым атрибутом провозглашенного в том же году Чан Кайши «Движения за новую жизнь» (*新生活运动 Xin shenghuo yundong*). Шанхайский китайский муниципалитет решил организовать такую свадьбу, чтобы продемонстрировать свое рвение на почве реформ. С октября 1934 г. до 1939 г. было организовано более десяти коллективных свадеб, а молодых людей – участников церемонии насчитывалось более 1000 пар (2000 человек). За мероприятие отвечало Бюро общественной безопасности, которое выработало специальные правила для такого рода свадеб: для жениха и невесты предписывалась особая одежда, невесте было запрещено делать перманент, нельзя было надевать обувь на высоком каблуке (шпильке) и в то же время запрещалось быть совсем без каблуков. За неделю до свадьбы проходила репетиция церемонии, с тем чтобы во время самой церемонии не было задержек, и все знали свои места и обязанности. Во время свадьбы выдавались сер-

тификуты о заключении брака. Интересно, что на таких мероприятиях были и молодожены-иностранцы, пожелавшие пройти церемонию вместе с китайской молодежью. Все участники коллективной свадьбы вместе фотографировались для общей коллективной фотографии, и в конце дня под музыку несколько сотен машин ездил по дорогам Шанхая (Ху Гэнси 1998).

Разумеется, новая традиция была подхвачена молодежью и муниципалитетами других больших городов. Не обошла эта мода и Тяньцзинь. «На днях в тяньцзиньском Центральном парке, – писала газета “Слово” в 1941 г., – впервые состоялось массовое венчание. При огромном стечении народа было обвенчано 16 пар. На венчании присутствовали мэр города Тяньцзина, начальник японской военной миссии и другие высшие представители местной и краевой администрации. Невесты были одеты в модернизированные подвенечные платья *европейского стиля* (курсив мой. – Л. Ч.). Сама церемония проходила на особо сооруженном на этот случай помосте, который был украшен гирляндами живых цветов. Было сказано много приветственных речей. Молодые получили ценные подарки. Брачная церемония была заснята на киноплёнку» (Массовое... 1941: 5).

Медицина (医疗改革 Yiliao gaige). Сегодня все впечатлены успехами китайской традиционной медицины, но для европейцев XIX–XX вв. она была сопряжена с большим риском для жизни и антисанитарией. Осознавая отсталость традиционных методов врачевания от стремительных успехов европейской медицины,

продвинутые молодые китайцы добивались у своего правительства регистрации нового медицинского персонала и врачей, которые получили бы официальное разрешение для занятий медицинской практикой в европейском врачевании.

«Едва ли можно было найти в старом Китае более заброшенную область знания, чем медицина, – писал в 1907 г. русский репортер. – С европейской точки зрения, методы, практикуемые китайскими врачами при пользовании пациентами, представляют полнейшее попираительство элементарных основ здравоохранения, а рекомендуемые теми же врачами медикаменты до сих пор внушают европейцу ужас смертоносного зелья...

Но *tempora mutantur* и в китайских воззрениях на медицину происходит такой же *колоссальный переворот*, как и в других областях знания. Иностранцы помогли китайцам разобраться в окружающем хаосе, дали истинные знания молодежи по разным отраслям, не забыв и медицины. Теперь к услугам жаждущих знания готова армия интеллигентных работников, многие из которых воспитывались за границей и, в частности, в Японии. Доказательством тому, что в китайской среде мы найдем теперь недюжинных знатоков-медиков, европейски образованных, служат последние вести из Пекина. Министр народного образования назначил доктора Ся, одного из последних цзинь-ши (*金石 jinshi*, ученая степень), в качестве представителя Китая на ожидаемом вскоре *медицинском конгрессе в Маниле*; конгресс созывается по инициативе правительства Соединенных Штатов. Проповедники европейских знаний и культуры в Китае должны в значительной степени считать себя удовлетворенными плодами своей работы, зерна которой, вне сомнения, упали не на бесплодную почву» (Китай... 1907: 1).

Страна остро нуждалась в современной европейской медицине и докторов, о чем писали и китайские, а вслед за ними – русские газеты. «Китай ощущает острую нужду в современных образованных докторов. Шанхайский журналист Лоуренс Чен, бывший сотрудник “China Press”, поместил сводку в бюллетене “Народное здравие и реконструкция”, в которой пишет, что в Китае один врач приходится на 54 000 жителей и один дантист – на 4 млн китайцев. До сих пор в Национальном бюро зарегистрировано лишь 8922 доктора. Помимо докторов, имеется медицинского персонала: акушеров 3164, аптекарских учеников 2263, фармацевтов 489, дантистов 119 и 575 сестер милосердия. Принимая население Китая за 480 млн жителей (согласно “Chinese Yearbook” 1936–37), число медперсо-

нала оказывается буквально ничтожным и нужда во врачах огромна. Конечно, часть докторов не зарегистрирована в Национальном бюро здравоохранения. Но также известно, что большинство врачей проживает в Шанхае и прочих центрах страны, оставляя провинцию совершенно без медицинской помощи в нужные моменты. Чтобы усилить персонал докторов, задумано много новых врачебных школ, которые откроются, как только пройдут ассигновки на них, 217 школ сестер милосердия, и 38 школ акушерок» (Китай... 1937: 4).

Сельскохозяйственные новшества (农业改革 Nongye gaige).

С приходом иностранцев не только промышленность, но и традиционное сельское хозяйство претерпевали изменения, хотя китайские крестьяне с большим недоверием относились к европейским новшествам. В октябре 1923 г. в Маньчжурии был проведен эксперимент силами земельного отдела КВЖД, недовольного урожаем, получаемым китайскими крестьянами в связи с рутинной агротехникой. Тогда был произведен «осмотр представителями Земельного отдела, биржевого комитета, других организаций и учреждений опытного поля около р. Бородино, организованного в 1922 году земельным отделом КВЖД площадью около 80 десятин (87,2 га)» (На опытном... 1923: 3). На этом поле было за год произведено 230 видов масличных бобовых культур, а также проведены «интересные опыты с внесением удобрений» (до посева, во время посева или после него). На поле были засеяны злаки под разными удобрениями, в частности жмыховой мукой. Были проведены опыты и с обработкой земли. «Когда заведующий опытным полем показывал китайским хозяевам, что их способ обработки неприменим здесь, китайцы-хлеборобы с насмешкой заявляли, что лучше их способа обработки нет нигде. Этот спор привел к тому, что на опытном поле рядом одновременно было засеяно несколько полос, одними семенами и при одинаковом удобрении способами китайским и опытного поля. Китайские хлеборобы все работы по засеву производили сами. Теперь уже видны результаты, и китайцы-хлеборобы убедились, как много теряли они, обрабатывая поля по своему. Китайцы-хлеборобы очень заинтересовались опытами на поле и часто посещают его, знакомясь со всеми деталями производимых опытов» (На опытном... 1923: 3). В дальнейшем известно, что опыт европейских агрономов и главным образом новая техника и удобрения смогли стать незаменимым подспорьем в модернизации китайского сельского хозяйства.

Таким образом, модернизация Китая проходила с разной степенью интенсивности и в разном темпе: быстрее и глубже всего вводились новшества «на опытных участках», коими стали крупные города страны и открытые порты. Впоследствии удачные, а главное, приносящие быструю выгоду примеры сами собой внедрялись в жизнь. Несомненно, лучшие черты, присущие европейцам, перенимались китайскими гражданами: это получение знаний, владение иностранными языками, коммуникабельность, подражание в одежде и манерах, знание основ этикета и широкий кругозор. Главное, что по сословному китайскому обществу был нанесен сокрушительный удар и новые китайские «разночинцы» получали возможность найти применение своей энергии и новым знаниям в новом реформирующемся Китае. Взаимодействие китайцев с европейцами и русскими оказывало воздействие на культуру тех и других, и полученные знания сразу же применялись китайскими компрадорами, интеллигенцией, администраторами для развития и модернизации собственной страны.

Литература

А-с. 1907. Китайцы европеизируются. Корреспонденция. Пекин, 10 дек. 1906 г. *Харбинский вестник* 931, 12 января.

Блейз, А. 2001. Костюм конца XIX – начала XX века. *История в костюмах. От фараона до денди*. М.: Олма-Пресс.

Ван Чжичэн

1990. *Англо-китайский словарь для редакторов и издателей*. Шанхай.

1993. *История российской эмиграции в Шанхае*. Шанхай: Народное изд-во в Шанхае.

1995. *Русские эмигранты и Великая Отечественная война*. Шанхай.

1999. *Португальцы в Шанхае*. Аомынь (Макао) (на англ. яз.).

2009. *Русская карта Шанхая* / под общ. ред. Л. Черниковой. Шанхай.

Взаимодействие и диалог культур. Б. г. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/dialog-kultur.html>.

Вэнь Цунжу. 2011. *Европейские влияния в архитектурно-градостроительном развитии Шанхая (1840–1940-е гг.)*: автореф. дис. ... канд. архитектуры (05.23.20). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. архитектурно-строительный ун-т.

Данилевич Е. 2017. До Поднебесной. История любви студентки из СССР и революционера из Китая. *Аргументы и факты – Петербург* 5. URL: https://spb.aif.ru/society/people/do_podnebesnoy_istoriya_lyubvi_studentki_iz_ussr_i_revolucionera_iz_kitaya.

Диомидов Л. 1930. В ногу с веком! Эмансипация китайской женщины. *Рубеж* 16(117), 12 апреля.

Ерасов, Б. С. (сост.). 1998. *Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия*. М.: Аспект Пресс.

Китай на медицинском конгрессе. 1907. *Харбинский вестник* 933, 14 января.

Китай нуждается в докторах. 1937. *Слово* 2837, 15 февраля.

Массовое венчание. 1941. *Слово* 4514, 15 октября.

На опытном поле КВЖД. 1923. *Новости жизни* 20 мая.

Немного статистики. 1930. *Шанхайская заря* 1343, 6 апреля.

Обзор домов в колониальном стиле. Б. г. URL: <https://domsdelat.ru/krasivie-doma/obzor-domov-v-kolonialnom-stile-idei-dizajna.html>.

Померанц, Г.

1994а. Европейская свобода и русская воля. *Дружба народов* 4: 137–147.

1994б. Диалог культурных миров. *Общественные науки и современность* 5.

1995. Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур. В: Померанц, Г. С., *Выход из транса*. М.: Юрист, с. 210.

Против долгополых халатов. 1937. *Слово* 2831, 9 февраля.

Пути к познанию. 1907. *Харбинский вестник* 932, 13 января.

Развеселый город Чанчунь. 1933. *Вечерняя заря* 5 октября.

Традиционный китайский дом сыхэюань: славное прошлое и туманное будущее. Б. г. URL: <https://anashina.com/siheyuan/>.

Ученицы без завивки. 1941. *Слово* 4510, 11 октября.

Ху Гэнси. 1998. *Старый Шанхай: не только романтические истории*. Чэнду: Сычуаньское народное изд-во (на кит. яз.).

Художественный перевод в Китае конца XIX – нач. XX вв. URL: <https://chinese-russian.ru/publications.php/?publications=96>.

Черникова, Л. П., Бэй Вэнь Ли. 2001. Ван Чжичэн – исследователь истории русской эмиграции. *Проблемы Дальнего Востока* 6: 132–136.

Шмидт, М. 1926. Тысячи людей и миллионы долларов на собачьих скачках. Самая модная мания Шанхая. *Рубеж* 13.

Экстерриториальность. 1935. Передовая о цензуре. Нанкин, 28 (Рейтер). *Шанхайская заря* 3240, 29 ноября.